

«Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России

КОННЕЛЛ Р. (2015). ГЕНДЕР И ВЛАСТЬ: ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ И ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА / АВТОРИЗ. ПЕР. С АНГЛ. Т. БАРЧУНОВОЙ ПОД РЕД. И. ТАРТАКОВСКОЙ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 432 С. (БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС»). ISBN 978-5-4448-0248-9

Ольга Здравомыслова

Исполнительный директор Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд),
Ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук (ИСЭПН РАН)

Адрес: Ленинградский пр., д. 39, стр. 14, г. Москва, Российская Федерация 125167
E-mail: olgazdrav@gorby.ru

В книге Рейвин Коннелл «Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика», опубликованной на русском языке в издательстве «Новое литературное обозрение», излагается теория и методология структурно-конструктивистского подхода в гендерных исследованиях. Коннелл исследует гендер как социальную структуру, формирующую модели фемининности и маскулинности. В понятии «структура» зафиксированы «ограничения, заключающиеся в способе социальной организации» (социальных институтах), то есть отражена «ригидность социального мира». В то же время структура может быть целенаправленным объектом человеческой практики. Динамика взаимовлияния структуры и практики определяет фундаментальное свойство гендерных отношений — их историчность. Если структура власти стремится обеспечить высокую степень упорядоченности гендерного порядка, то в поле практик развиваются многочисленные конфликты по поводу гендера и сексуальности, формируются социальные группы и движения сопротивления. Работая с феминистскими идеями и теориями, одновременно полемизируя с ними, Коннелл ставит вопрос о вовлечении людей в проекты преобразования гендерных отношений на основе критерия равенства. Важнейшая для Коннелл задача — «понять игру социальных сил, в которой гендеру принадлежит ведущая роль» — отсекает любую попытку найти единственное или универсальное объяснение. Этот подход открыл перспективы для сравнительных исследований, способных описать и объяснить формы организации гендерных отношений в разных культурах. Книга Коннелл проливает свет на исключительную значимость роли гендера в той «игре социальных сил», которые определяют ход и направления социальных трансформаций в современной России.

Ключевые слова: гендер, структура, практика, фемининность, маскулинность, гендерный порядок, консервативный поворот

Книга современного классика гендерных исследований Рейвин Коннелл «Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика» вышла в свет в издательстве

«Новое литературное обозрение» почти три десятилетия спустя после ее опубликования на английском языке (Connell, 1987).

«Гендерные» тексты трудны для перевода на русский, и это, безусловно, справедливо в отношении книги Коннелл. В «конгломерате нашей языковой памяти» зачастую отсутствуют «выражения и ходы их развертывания» (Гаспаров, 1996: 2), необходимые для точного понимания авторского текста. Огромный пласт источников, на которые опирается Коннелл, делая их предметом анализа и критики, лишь фрагментарно знаком русскоязычному читателю. Тем не менее Татьяне Барчуновой (переводчица книги) и Ирине Тартаковской (научный редактор перевода) удалось создать в целом корректный перевод объемного, сложносоставного текста. Книга «Гендер и власть» — один из поворотных пунктов в истории гендерных исследований, поэтому ее перевод в России — несомненно, вклад в отечественное социологическое образование.

Структурно-конструктивистская концепция гендера, которую Коннелл разрабатывает и обсуждает в своей самой известной книге, появилась у нас значительно раньше, чем настоящее издание. В статьях, монографиях, учебных пособиях, написанных российскими авторами, подход Коннелл предстает в виде законченной теории и «полезной» исследовательской методологии: в наш социологический дискурс вошли концепция гендера как важнейшего измерения социальной структуры и понятия «гендерная композиция», «гендерный порядок», «гендерные режимы»; коннелловская критика полоролевого подхода и представление о «гегемонной маскулинности» — ключевое для анализа патриархата¹.

Без этой аналитической и просветительской работы перевод и издание книги не могли бы состояться. Ее полный текст предоставляет русскоязычному читателю качественно новые возможности понять логику дискуссий о гендере, «возникших из социальных сражений за гендерное равенство» (с. 6). Вместе с тем книга Коннелл проливает свет на исключительную значимость роли гендера в той «игре социальных сил», которые определяют ход и направления социальных трансформаций в современной России.

Происхождение теорий гендера как проблема исследования

Концепт «гендер» пришел в Россию в конце 1980-х — примерно тогда же, когда появилось первое издание «*Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*», тем не менее между русскоязычным текстом книги и его восприятием существует культурный барьер. Как будто предвидя это обстоятельство, Коннелл с самого начала сталкивает представление о гендере как «социальном факте и историческом процессе», адекватное фактам, выявляемым в исследованиях (с. 5), с обычным

1. Подробное, структурированное изложение подхода Р. Коннелл содержится в учебнике Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной (Здравомыслова, Темкина, 2015: 294–462). В этой связи следует назвать также статью И. Н. Тартаковской «Гендерная теория практик: подход Р. Коннелл» (Тартаковская, 2007: 34–55).

представлением большинства людей, которым привычнее, удобнее и спокойнее считать модели женственности и мужественности «естественными». Замечание Коннелл, что «многие люди видят угрозу в самом понимании этих моделей как социальных» и «воспринимают свою собственную маскулинность и фемининность как аргумент в споре» (с. 30), справедливо в отношении любого из современных обществ — в том числе оно точно описывает ситуацию сегодняшней России. Однако Коннелл имеет в виду прежде всего западное общество, гендерные отношения которого являются объектом ее анализа. Она крайне осторожна в суждениях по поводу других обществ и настаивает на том, что теории гендера описывают западное современное общество, поэтому использование их в ином контексте требует исследования и объяснения его исторических, культурных, политических особенностей.

Коннелл делает акцент на том, что происхождение современных теорий гендера, в том числе ее собственной концепции, определили три процесса: 1) утверждение светской морали — следствие Просвещения и результат «шока», вызванного Французской революцией; 2) рост влияния рационализма (науки и права) и внутри него — достижения биологии и психологии, сделавшие возможными научные исследования вопросов пола; 3) подъем движений за социальное равенство. Уникальным феноменом западной культуры эпохи модерна была взаимосвязанность этих процессов, благодаря чему в концепциях социальной природы гендера, созданных в эту эпоху, произошло радикальное переосмысление «конфликта между природой и культурой, который является, конечно, традиционной темой западной мысли» (с. 267).

Надо подчеркнуть, что русская мысль эту тему не только не акцентировала, но заменила ее темой конфликта между Россией и Европой, Россией и Западом — его осмысление стало точкой отсчета как для западников, так и славянофилов, определило логику, которая в общих чертах воспроизводится в современном «либеральном» и «консервативном» дискурсе. При этом традиционное направление русской мысли было в целом глубоко критическим в отношении рационализма западной цивилизации «как цивилизации вне религиозной», пытающейся «вместо прежнего божественного права» положить в основание общества права человека, которые «сводятся к двум главным: свободе и равенству, которые должны примиряться в братстве» (Соловьев, 1989: 7).

Эти темы, явно недооцененные авторами, занимающимися российскими гендерными проблемами, — необходимое звено в объяснении структурных особенностей и трансформаций российского гендерного порядка, равно как и видения гендерных проблем большинством населения, в том числе «консерваторами» и «либералами».

Коннелл ясно показывает, что теории гендера, с одной стороны, выступили как критика мощных, разветвленных направлений западной мысли, «начиная с томизма и заканчивая марксизмом, а также функционализмом и теорией систем» (с. 30), исходивших из идеи «естественности» гендерных различий и «унитарных

моделей» фемининности и маскулинности. С другой стороны, они развивались в общем поле феминистской критики и проектов преобразования социальных отношений в направлении достижения гендерного равенства.

Несмотря на очевидные различия между теориями гендера, которые, как замечает Коннелл, с течением времени «не конвергируют», а расходятся все дальше, все они заряжены критическим отношением к религиозно-философским и социально-научным традициям, а также радиальной критикой исторически сложившегося гендерного порядка. В свою очередь, сама Коннелл, разрабатывая представление о гендере как «структуре власти, совокупности социальных отношений, распространенных и устойчивых» (с. 148), постоянно полемизирует со своими предшественниками и современниками из разных научных областей, «начиная с экономики и кончая историей и психоанализом» (с. 6).

Однако важнейшая для Коннелл задача — «понять игру социальных сил, в которой гендеру принадлежит ведущая роль» (с. 30) — отсекает любую попытку найти единственное или универсальное объяснение. Книга «Гендер и власть» сделалась столь известной еще и потому, что она открыла перспективы для сравнительных исследований, основанных на методологии структурно-конструктивистского подхода, способных описать и объяснить формы организации гендерных отношений, «поразительно разнообразные в разных культурах» (с. 5).

Идея и логика концепции

Коннелл начинает с анализа конкретного случая девочки-подростка Делии Пирс из семьи австралийских рабочих и ставит вопрос: Делия — «нормальный ребенок», но откуда возникает, как формируется эта «нормальность»? Постепенно обнаруживается, что поверхностный слой того, что принято считать «обыкновенным», «нормальным», скрывает «проблемы и источники напряжения», которые воспроизводятся и изменяются от поколения к поколению. Становится ясно, что жизнь конкретной семьи и социума «подчиняются строгим паттернам или моделям» — в этом проявляется структура власти, определяющая представления об иерархии мужественности и женственности и влияющая на будущее конкретного подростка. Но этот процесс происходит не в статичной закрытой системе — напротив, сама система полна противоречий и конфликтов, она «меняется, даже в каких-то мелочах» (с. 10, 12).

От единичного случая «семьи Пирс» Коннелл переходит к анализу сравнительных статистических данных, раскрывающих масштабность и глобальный характер проблем неравенства, насилия, распределения власти, в которых проявляются модели гендерных отношений. Стоит отметить, что Коннелл продуктивно использует как качественные, так и количественные методы — в этом состоит отличие ее подхода от распространенной среди большей части исследователей идеи разделения и даже конкуренции качественных и количественных методов.

Полемизируя со многими феминистскими авторами, Коннелл доказывает, что проблемы и напряжения внутри отдельной семьи отражают «беспорядок и аномалии, скрытые за фасадом патриархата» (с. 149), а историческая динамика семьи не позволяет рассматривать домашний патриархат как ядро и центр патриархатного комплекса (с. 153). Подтверждением этого могут быть, в частности, исследования, проведенные в России. Они показали, что патриархат имеет шаткую опору в современной семье: хотя роль мужчины-кормильца маркирует границы между мужской и женской ролями, сами границы постоянно пересматриваются и переформируются в повседневных взаимодействиях (Здравомыслова, 2003: 88–116).

С исследования источников напряжения в отдельной семье начинается критика *стандартного нормативного случая*, которая становится одной из сквозных, организующих линий в книге. Именно в русле этой критики Коннелл формулирует принципиальные для структурно-конструктивистского подхода возражения против идеи «усвоения ролей и социальных предписаний» в ходе становления гендерной идентичности — то есть против ключевой идеи теории социализации и теории половых ролей. Их неточность и недостаточность для «подлинно социального анализа социальных процессов», доказывает Коннелл, не способен преодолеть либеральный феминизм (с. 260–261). Проблема состоит в том, что либеральные феминистки разделяют представление о «гомогенной, или гармоничной модели гендерной идентичности», с помощью которого невозможно объяснить «креативность и сопротивление». Поэтому они «готовы абстрагироваться от таких факторов социальной жизни, как выбор и сила», жесткое давление агентов социализации на личность ребенка и подростка, «отсутствие упоминания альтернатив» (с. 263–264). Развивая аргументацию, Коннелл использует выводы классического психоанализа, который рассматривается ею как важнейший источник собственной концепции. Коннелл показывает, что ни одна модель психосексуального развития, воплощенная в фемининности или маскулинности, не может считаться универсальной даже в пределах конкретного социального контекста (например, в европейских семьях, изучавшихся Фрейдом) (с. 279–280). Альтернативность путей психосексуального развития, открытая психоанализом, становится основанием концепции множественности путей формирования гендера — в противоположность теориям, базирующимся на представлении о норме и отклонении, или об «одной главной модели личности плюс девиации» (с. 279).

Из критики нормативного стандартного случая и гипотезы о гендере как структуре и социальном процессе, связывающем личный опыт и жизнь общества, вырастает сложная, насыщенная отсылками к фактам и теориям композиция книги-исследования «Гендер и власть». Она организована вокруг общего вопроса, который ставит Коннелл: как следует понимать социальную структуру, формирующую модели фемининности и маскулинности и являющуюся объектом «открытой» (публичной) и «скрытой» (не артикулированной публично) гендерной политики?

Согласно Коннелл, в понятии *структура* зафиксированы «ограничения, заключающиеся в способе социальной организации» (социальных институтах), то есть отражена «ригидность социального мира». Но поскольку «человеческое знание рефлексивно... структура может быть целенаправленным объектом практики» (с. 132). Развивая и переосмысливая здесь идеи П. Бурдьё и Э. Гидденса, Коннелл прежде всего усиливает акцент на исторической динамике, на индивидуальных и коллективных стратегиях, направленных «против того, что их ограничивает» (с. 132). По Коннелл, динамика взаимовлияния структуры и практики определяет фундаментальное свойство гендерных отношений — их историчность, выступающая как понятие «более сильное, чем понятие социального изменения» (с. 196). Речь идет о том, что человеческая практика является постоянным источником ситуаций, в которых прежние модели отношений прекращают свое существование («ситуация уже никогда не будет такой, как прежде») и открываются новые возможности для изменений (с. 196).

Все наиболее влиятельные современные теоретические подходы устранили идею историчности гендера, поскольку исходили, как показывает Коннелл, из предпосылки об универсальной исторически инвариантной структуре. В теориях внешних факторов (марксистские теории) ее связывали с процессами общественного воспроизводства, определяющими подчиненное положение женщины (с. 63). В теории половых ролей речь шла об «инвариантной биологической структуре и гибкой социальной настройке» (с. 72), закрепляющей разделение и взаимодополнительность женской и мужской ролей. Наконец, в феминистских теориях гендерных категорий постулировалась единственная универсальная структура патриархата — «подчинение женщин и превосходство мужчин», что препятствовало пониманию изменений и противоречивости гендера как социального процесса (с. 85).

Коннелл выделяет три основные структуры, организующие гендерные отношения: *труд* (организация домашней работы и заботы о детях, половая сегрегация рынков занятости, дискриминация в сфере оплаты труда и профессионального продвижения); *власть* (формы контроля, принуждения, насилия в различных иерархиях — от государства до семьи); сфера эмоциональных связей и повседневных проявлений эмоциональных отношений (она обозначается психоаналитическим термином «*катексис*») (с. 127–159).

Эти структуры взаимосвязаны — каждая участвует в формировании моделей фемининности и маскулинности, взаимодействие между которыми строится вокруг «одного структурного факта — глобального доминирования мужчин над женщинами» (с. 249), выражающего суть патриархата. Связав это с другим важнейшим фактом — многообразием форм женственности и мужественности, Коннелл рассматривает возможности и перспективы изменения патриархатного гендерного порядка в результате гендерной политики. «Необходимая и весьма пространственная часть социальной жизни» (с. 349), она охватывает многоуровневые процессы, центром которых выступают государство, рынок и работодатели, сфера

образования, семья и сексуальность, феминистские движения и движения за права сексуальных меньшинств.

Принципиальная возможность оспаривания и трансформации гендерного порядка обусловлены тем, что взаимодействие основных структур и практик создает не упорядоченную систему, а «единство исторической композиции» — «всегда незаконченное и находящееся в состоянии становления» (с. 160). Если структура власти в каждый конкретный момент стремится обеспечить высокую степень упорядоченности, то в поле практик развиваются многочисленные конфликты по поводу гендера и сексуальности, формируются социальные группы и движения — это сигнализирует о кризисных тенденциях гендерного порядка.

Его атрибуты (доминирование и зависимость, подавление и подчинение) суть проявление структуры власти как иерархии гегемонной и подчиненных форм мужественности (с. 150, 249), обеспечивающей доминирование мужчин. Коннелл подчеркивает, что *гегемонная маскулинность* основана не на грубой силе (хотя может с ней сочетаться), а на символической власти, укорененной в религии и идеологии, политике и повседневных практиках. На этом основании, с одной стороны, происходит исключение и наказание гомосексуалов, подрывающих «гегемонное определение маскулинности», посягая на «единодушие» мужчин в ее поддержке (с. 149). С другой стороны, исключается возможность формирования «гегемонной» фемининности, поскольку все формы женственности определяются только по отношению к подчинению: если *утрированная женственность* основана на полном согласии с ним, то другие формы различаются степенью несогласия с подчинением. С этим связаны как стратегии сопротивления, так и различные комбинации стратегий подчинения и кооперации (с. 249–250).

Логика «консервативных поворотов» и роль теории гендера

Публикация книги в России совпала с этапом российских социальных трансформаций, который называют «консервативным поворотом». В последние годы гендер играет в нем одну из системообразующих ролей, поскольку вопросы семьи, репродуктивных прав, прав сексуальных меньшинств и другие темы, обсуждаемые в исследованиях, стали центром агрессивного публичного дискурса о безальтернативности традиционной («унитарной», по Коннелл) модели гендерных отношений. Вместе с тем, перефразируя Коннелл, можно сказать, что по риторике «консерваторов» можно судить о противоречиях и кризисных тенденциях российского гендерного и в целом социального порядка. Поэтому в более точном смысле речь идет о том, что ведущие политические акторы, включая президента, используют традиционные гендерные нормы для контроля над обществом и формирования образа самой власти, которая пытается утвердить эти нормы как базовые для российской идентичности.

«Консервативный поворот» создает ситуацию острого вызова как для общественных движений, связанных с темой гендера, так и для исследователей («теоре-

тиков», по Коннелл) гендера. Ситуация осложняется тем, что еще в 1990-е годы обнаружались серьезные напряжения, связанные с идеологической и политической разнородностью женского движения и расколом между движением и «теоретиками», большинство которых считало, что в России нет почвы для современного феминизма. Эти тенденции усилились в общем «консервативном» контексте нулевых годов — в результате концепт *гендер* оказался не вполне понятным и в целом невостребованным как инструмент социальной критики.

С одной стороны, язык гендерной социологии, или язык социального конструктивизма, стал рассматриваться исключительно в духе «анализа того, что есть: можно посчитать, можно взять интервью, а что делать в будущем?»². С другой стороны, произошла банализация гендерного подхода — утвердилось понимание «гендерного» как «самого расхожего определения любых наших представлений о том, что такое „пол“, удобного своей вместимостью, но так и не приобретшего критических потенциалов»³. В подобных интерпретациях «гендерное» не только противопоставляется «феминистскому» как источнику социальной критики и стратегий сопротивления, но в целом обесценивается как теоретическая перспектива и социальная практика.

Это полностью противоречит логике концепции Коннелл и духу ее книги. Работая с феминистскими идеями и теориями, одновременно полемизируя с ними, Коннелл открыто ставит вопрос о вовлечении людей в проекты преобразования гендерных отношений на основе критерия равенства, «прилагаемого ко всем практикам» и «принимаемого как направление, от которого нельзя отклоняться» (с. 388). В то же время Коннелл отдает себе отчет в том, что история идей о гендере и сексуальности не носит поступательного характера, что «западные паттерны гендерных отношений» не могут выступать универсальной моделью «для остального мира» (с. 378), а их распространение и даже усиление влияния не означало и не означает конца гендерного неравенства.

Этот конец «ни в коей мере не является неизбежным»: хотя невозможно «отмахнуться» от вопросов, поставленных феминизмом и движением за права сексуальных меньшинств, «вполне вероятно, что нас ждет обновленный высокотехнологичный патриархат», который закрепит доминирование мужчин над женщинами и «гегемонную гетеросексуальность» как естественные и неизменные основания социального порядка (с. 39–40, 376, 377). Предвидение Коннелл, несомненно, более убедительно звучит сейчас, чем в то, устремленное к демократическим переменам время конца 1980-х, когда была написана книга «Гендер и власть».

Однако понимание настоящего момента как точки конфликта и выбора побудило Коннелл проводить исследования и разрабатывать теорию гендера, способ-

2. Ирина Жеребкина. Выступление на конференции «Гендерные сюжеты в культуре и СМИ на постсоветском пространстве» 11 апреля 2016. Видеозапись конференции: <https://www.youtube.com/watch?v=PVznPcgQ4wc>.

3. Людмила Бредихина. «„Феминистская (арт)критика“: от теории к практикам и обратно» (<http://www.colta.ru/articles/literature/11998>).

ную статью инструментом анализа «структуры выбора и коллективных проектов, возникающих в результате этого выбора» (с. 377). Теория здесь — важнейшая часть практики освободительных движений и политики, «направленной на искоренение всех форм угнетения» (с. 395).

Хочется надеяться, что публикация книги Коннелл о социальной теории гендера, основанной на практике, — это вклад в российскую дискуссию о гендерных отношениях и феминизме, увеличивающий ее интеллектуальный и гражданский потенциал.

Литература

- Бурдые П.* (2001). Практический смысл / Пер. с франц. А. Т. Бикбова и др. СПб.: Алетейя.
- Гаспаров Б. М.* (1996). Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение.
- Гидденс Э.* (2003). Устройство общества: очерк истории структуриации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* (2015). 12 лекций по гендерной социологии. СПб: Изд-во ЕУСПб.
- Здравомыслова О. М.* (2003). Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: УРСС.
- Соловьев В. С.* (1989). Чтения о богочеловечестве // *Соловьев В. С.* Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Правда. С. 3–172.
- Тартаковская И. Н.* (2007). Гендерная теория практик: подход Р. Коннелл // *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* (ред.). Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 34–55.
- Connell R. W.* (1987). *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.

“Gender and Power”: Reading Raewyn Connell in Russia

Olga Zdravomyslova

Executive Director, International Foundation for Socio-Economic and Political Studies (Gorbachev Foundation)
 Leading Research Fellow, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS)
 Address: Leningradsky Prospekt, 39/14, Moscow, Russian Federation 125167
 E-mail: olgazdrav@gorby.ru

Raewyn Connell's book *Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics*, published by the New Literary Observer Publishing House in Russian, presents a theory and the methodology

of structural constructivist perspective for gender studies. Connell examines gender as a social structure that forms models of masculinity and femininity. The concept of the structure fixes constraints and limits of social organization (social institutions) that reflects "the rigidity of the social world." At the same time, the structure may be a subject of purposeful practice. The mutual dynamics of the structure and practice determines the fundamental characteristic of gender relations, that of their historicity. The power structure seeks to provide a high degree of regulating the gender order. At the same time, numerous conflicts over gender and sexuality, formed social groups, and resistance movements have developed in the space of the practices. In discussing feminist ideas and theories, Connell raises the question of the involvement of the people involved in the transformation projects of gender relations based on equality criterion. One of Connell's key ideas is "to understand the game of social forces in which gender plays a leading role," cutting off any attempt to find a single or universal explanation. This approach has created prospects for Comparative Studies, which is able to describe and explain the forms of organization of gender relations in different cultures and societies. This conception sheds light on the exceptional importance of the role of gender in the "game of social forces" that determines the course and direction of social transformation in modern Russia.

Keywords: gender, structure, practice, femininity, masculinity, gender order, conservative turn

References

- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical Sense], Saint Petersburg: Aleteia.
- Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*, Cambridge: Polity Press.
- Gasparov B. (1996) *Iazyk, pamiat', obraz: lingvistika iazykovogo sushestvovaniia* [Language, Memory, Image: Linguistics of Language Existence], Moscow: New Literary Observer.
- Giddens A. (2003) *Ustroenie obshchestva: ocherk istorii strukturacii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Solovyov V. (1989) *Chteniia o bogochelovechestve* [Reading about God-manhood]. *Sochineniia. T. 2* [Works, Vol. 2], Moscow: Pravda, pp. 3–172.
- Tartakovskaya I. (2007) *Gendernaia teoriia praktik: podkhod R. Konnell* [Gender Theory of Practice: R. Connell's Approach]. *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian Gender Order: A Sociological Approach] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg: EU Press.
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 lektсий po gendernoi sotsiologii* [12 Lectures on the Sociology of Gender], Saint Petersburg: EU Press.
- Zdravomyslova O. (2003) *Sem'ia i obshchestvo: gendernoie izmerenie rossiiskoi transformatsii* [Family and Society: The Gender Dimension of the Russian Transformation], Moscow: URSS.